

Подкидыши для
ХУЛИГГАНА

ЮЛИЯ ГАУФ

Юлия Гауф

Подкидыш для хулигана

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Подкидыш для хулигана / Ю. Гауф — «Автор», 2023

— Давай так, Пчелка, ты поможешь мне, а я помогу тебе. Могу дать нужную сумму.— Два миллиона рублей?— Да. Два миллиона, – серьезно ответил он.
— И что взамен?— Мне нужно оформить удочерение. Дочь не моя, моего друга. Я обещал о ней позаботиться. Если хочешь два миллиона, с тебя услуга.
— Какая? – растерялась я, предчувствуя глобальный и эпичный звездц.
— Выходи за меня, Пчелкина. Временно, конечно. Потом разведемся, – подмигнул мне мажор.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юлия Гауф

Подкидыш для хулигана

Глава 1

– Это уже слишком, сын. За гранью. Ты кого в дом приволок?

Отец орет, лицо краснеет с каждым словом все сильнее, и сильнее. Давненько я не видел его в такой ярости.

– Это ребенок, пап, маленькая девочка. Ее зовут Марьяна. И не ори так, ты ее пугаешь.

– Вот именно. Это ребенок. РЕБЕНОК, Леша, а не игрушка. Ты зачем ее сюда притащил? – рычит отец, сжимая кулаки. – Откуда она вообще взялась?

– Это дочь Стаса, – ответил, и обернулся на сидящую на диване Марьяну.

Мелкая совсем, сидит, гостиную разглядывает. Плазму, картины, шторы. Все ей интересно, пусть и вздрагивает от воплей моего нервного папаша. И как сообщить пятилетней девочке, что папа ее умер?!

Стас набрал меня сегодня утром, я как раз в универ собирался. Впервые за неделю решил не прогуливать, но не судьба – Стас редко о чем-то просил меня. Заклял приехать в больницу.

И я приехал. Как выяснилось для того, чтобы попрощаться с ним. И пообещать вырастить его оставшуюся дома дочь. Хорошо, что Стас Марьяну с собой не взял, не стал будить и сажать в машину, иначе бы оба разбились.

– А-а-а, дружок твой ненормальный. Что, наигрался в папашу, и решил чужим людям своего ребенка скинуть?

– Умер он, не ори, – тихо ответил, чтобы Марьяна не услышала. – И да, попросил, чтобы я взял девочку себе. Крестный, все же.

– Взял себе, – пробурчал отец, протирая лицо ладонями. – Мать ее где? И вообще, как опека отдала ребенка такому балбесу, как ты? Алексей, – жестко произносит папа, – мне приبلудыш не нужен. Да и тебе тоже. Что за блажь, я не понимаю? Вечеринки, гонки, все эти твои бесконечные бабы. Теперь еще ребенка приволок нам с матерью, будто мы с тобой не намучились? Отвези ее в приют.

– Дядя Леша, а когда мы домой поедем? – подала голос Марьяна.

Бедная малышка. Ну вот как ей рассказать—то?!

– Скоро поедем. Порисуй пока, – я достал из рюкзака гуашь, кисти и альбом, и положил перед девочкой. А сам кивнул отцу: – Выйдем?

Он развернулся, и мы вышли из гостиной.

– Пап, я ее в детдом не сдам, – сказал жестко, едва мы закрыли дверь в гостиную. – Я Стасу поклялся позаботиться о его дочери, и я позабочусь.

– Сдашь как миленький. Ей там лучше будет, какой из тебя родитель? – презрительно фыркнул отец. – Наиграешься, и ребенок тебе надоест. Лучше пусть привыкает к детскому дому. Может, ее возьмет какая-нибудь нормальная семья. У тебя учеба, Леша, какой к черту ребенок? О себе подумай.

– Я о себе всю жизнь думал.

Я ведь правда обещал заботиться о Марьяне. В первый раз, когда она родилась, и ее мать свинтила из роддома, написав отказ от ребенка. Стас тогда вытряс из меня клятву, что случись с ним что – девочку я не брошу.

Второй раз я дал обещание, когда Марьяну крестили. В Бога не верю, но и ему, и Стасу поклялся.

Третье обещание я дал сегодня утром.

Ехал из больницы в квартиру, которую снимал Стас, и не верил, что друга больше нет. Что мне нужно войти, разбудить его маленькую дочь, опередив служащих опеки, сказать ей, что она – сирота, и забрать себе.

Я выполнил все, кроме одного пункта. Не смог про Стаса рассказать.

– Сын, – папа положил ладони на мои плечи, – увози девчонку. Хочешь, я позвоню, и ее заберут? А ты давай, в университет езжай, или еще куда. Нам с матерью подкидыш не нужен, тебя хватило, во, – он приложил к шее ладонь ребром, показывая, как сильно я его достал.

– Не звони никуда, – зло бросил я. – Зря я пришел. Сам воспитаю.

– Ага, так вот почему ты к нам девчонку притащил, – снова заорал папа. – Сам планировал как обычно гулять, развлекаться, а мы с Леной чтобы чужим ребенком занимались? Не выйдет!

Вот черт!

Ну да, я вообще не в курсе, как с детьми обращаться. Вот и привел Марьяну к своим родителям – прислуги-то много, меня няньки растили. Отец любит приврать, будто они с мамой в меня всю душу вложили, но чушь это. Папа работал, мама по курортам и за границам ездила, и видел я их изредка.

Ничего ведь не стоит оформить опеку, нанять няню, и вырастить Марьяну. Но отец уперся рогом, непонятно с чего.

– Говорю же, сам воспитаю! Все, спасибо за помощь, а мы пойдем, – выплюнул, и вернулся в гостиную.

– Воспитатель нашелся! – злится за моей спиной папа. – Хоть знаешь, как с ребенком обращаться? Учти, когда надоест – к нам с матерью не приводи. И раз уж хочешь сам воспитывать чужого ребенка, делай это на свои деньги. Оставишь ее себе – карты я заблокирую!

– Да подавись! Сам заработаю! – рявкнул, потеряв терпение, и оглядел Марьяну, увлеченно рисующую домик на лужайке. И, почему-то, фиолетовое солнце.

Белое платье, ладони, и даже волосы измазаны в гуаши. Как и белая обивка дивана.

– Валим, мелкая, – подхватил Марьяну на руки, и пока отец не разорался еще и из-за разведенной вокруг грязи, пошел к выходу.

– Краски забыла, – запищала малышка. – Дядь Леша, ну краски же. И рисунок.

– Купим краски, – пообещал. – Купим. А сейчас домой, мелкая.

На съемную квартиру к Стасу я не поехал, хотя вещи малышки нужно бы собрать. Догадался лишь документы ее захватить, и то лишь потому, что Стас напомнил. Трижды повторил, что папка со свидетельством о рождении, и прочими бумагами, лежит в прикроватной тумбочке.

– А мы где? – защebetала Марьяна, когда я открыл дверь в свою квартиру. – Дядь Леш, когда папа придет?

– Папа... иди-ка сюда, мелкая, – подозвал к себе подпрыгивающую девочку.

Марьяна подошла. Ну до чего же маленькая! Ростом мне до карманов джинсов не достает. Присел на корточки, чтобы быть вровень с девочкой – смешная такая, в краске вымазана. Надо сказать, что Стаса больше нет. Она ведь его дочь, имеет право знать, да и Стас говорил, что с дочкой как со взрослой предпочитает разговаривать.

Не врал ей. Про гадину-мать рассказал, которая предпочла скинуть ребенка на Стаса, и ни разу не поинтересовалась ею. Значит, и я не должен врать.

– Марьяна, твой папа... он...

Смотрю в голубые глаза ребенка, и... не могу. Ну не могу я сказать, что Стас поехал в магазин за молоком для каши на завтрак, и разбился. Чудом меня дождался, успел сказать важное, взять обещание, и умер. Может, завтра сказать?

Точно, подожду до завтра.

– Что папа?

– Уехал. Пока со мной поживешь, – взъерошил светлые кудри девочки, и поднялся. – Сейчас найдем, во что тебе переодеться.

– А краски? – строго напомнила Марьяна, и я вздохнул.

– И пойдем за красками. Я же обещал.

ТАНЯ

– Горин, неужели вы почтили нас своим присутствием?! – Анна Павловна окинула взглядом двухметрового балбеса, вошедшего в аудиторию. – Надо же! Хоть под конец занятия удостоили нас счастьем вас лицезреть!

– Здрасьте, – кивнул мажор, неспешно идя по проходу к своей любимой задней парте.

А я привычно закатила глаза, встретившись с Лешей взглядом.

– Скучала, пчелка? – прошептал он, проходя мимо меня, на что я показала ему язык. – Вижу, что скучала.

Надо было не язык ему показать, а средний палец. Скучала... да век бы его не видела!

– Леха так выглядит, – вздохнула жалостливая Ануш – моя лучшая подруга. – Устал, будто. Круги под глазами.

– Угу, устал. По тусовкам таскаться – дело тяжелое. Это не грузчиком работать, потяжелее будет, – парировала я, и уткнулась в тетрадь, не желая обсуждать нашу мажористую звезду.

– И что вы так не любите друг друга? – удивилась подруга, но я предпочла ей не отвечать.

Если бы я захотела рассказать Ануш о тринадцати причинах моей ненависти, то стоило бы начать с первого класса, когда маленькая и растерявшаяся Таня Пчелкина отбилась от группы своих будущих одноклассников, и нечаянно зашла в кабинет третьеклассников. Там я впервые встретилась с Лешей Горинным, отобравшим букет цветов, который я должна была подарить своей учительнице, и поднявший меня на смех, когда я расплакалась.

Позже были еще букеты, которые он отбирал. Портил гербарии, исписывал парты гадкими словечками, ломал мои поделки. И каждый день отбирал банты для причесок. А когда подросла, отбирал уже заколки. И косметику. И не желал оставлять меня в покое.

Мучения мои продолжались до шестнадцати лет, когда это несчастье, наконец, окончил одиннадцатый класс, и зачем-то пошло в армию. На четыре года я выдохнула, научилась ходить по коридорам школы, а затем и университета, не вжимая голову в плечи, но в начале этого учебного года меня ждал сюрприз.

Алексей Горин теперь мой однокурсник.

Болтался где-то целый год после армии, отучился два года в МГИМО, и, разумеется, его выперли. Ну еще бы, там балбесов не держат. Удивительно, что два года терпели. Но лучше бы, терпели и дальше, лишь бы мне не вспоминать «чудесные школьные годы», которые я мечтала придушить этого поганца.

– Тань, – Ануш задела меня локтем, – ты-то сама чего такая замученная? Снова отец?

Я кивнула, и подруга вдохнула.

– Помощь нужна?

– Справлюсь, – отмахнулась я, понимая, что нет, не справлюсь.

Папу я обожаю. Правда. Он у меня классный, не бросил, когда мама устала от семейной жизни, поняв, что годы уходят. Развелась с отцом, вышла за другого, потом еще раз, и еще. Не знаю точно, сколько у мамы всего было мужей. Может, и она сама не в курсе. Папе я благодарна – с мамой не оставил, сам воспитывал. Вот только есть у папы один недостаток – азартность, из-за которой мы вечно в долгах, как в шелках.

– Я же вижу, что что-то не так. Много задолжал?

– Много, Ануш. В этот раз очень много, – призналась я. – Только никому не говори, ладно?

– Естественно. Тань, у меня десятка есть, я на духи копила. Но зачем мне еще одни духи, – тихо рассмеялась подруга. – Я могу десятку тебе отдать. Как-нибудь вернешь. Потом, мне не к спеху.

– Спасибо, – накрыла ладонь Ануш своей, сжала, и заставила себя улыбнуться.

Десять тысяч меня не спасут. Айфон далеко не последней модели, и планшет я уже продала, выручив тридцать тысяч. Ноутбук мне нужен для работы, да и кто купит железяку семилетней давности? Разве что на запчасти. Холодильник, плита, и стиралка нам с папой самым нужны, да и если их продадим – это капля в море. Проценты капают, а времени у нас до первого декабря. Иначе прощай, квартира!

Два миллиона рублей! Вот где нам с папой их взять?! Я бы у мамы попросила, но она с очередным новым мужем укатила в путешествие, забыв поделиться со мной телефоном. А за мои переводы много не платят, к сожалению.

«Ничего. Время еще есть. Справимся, – сказала я сама себе, записывая домашнее задание. – Пчелкины не сдаются!»

– Эссе нужно будет сдать на следующей неделе, – Анна Павловна встала, отпуская нас домой

Я пошла по проходу, и привычно оглянулась назад, вспомнив школьные годы. Нужно всегда быть начеку, когда Горин рядом. Но Леша... спит?!

Я даже остановилась. Горин и правда спал, опустив светловолосую дурную голову на парту. И даже во сне он выглядел тем еще гадом – брови нахмурены, выражение лица такое, словно замыслил очередную пакость. Всегда подозревала, что они ему во сне приходят. Это гениям снятся таблицы химических элементов, но Горин – не Менделеев.

Я вышла из здания университета, улыбаясь красивой осени – желто-красные листья лежат на траве, а на самих листьях любят валяться инстаграмщицы, запиливая очередные фоточки.

– Пчелкина, надо же, ты в юбке! – меня дернули за волосы, и я обернулась, замахиваясь сумкой на Горина.

Ну на кого же еще! Проснулся, чтоб его!

– Ты такой наблюдательный!

– На свиданку летишь, пчелка? – рассмеялся балбес, нагло разглядывая меня. – Черт, непривычно видеть тебя без гаррипоттеровских очков. Я по ним скучаю.

– Я подарю их тебе. На память. Только оставь уже меня в покое, – рявкнула я, и отвернулась от придурка.

Но не тут-то было. Горин обошел меня, и преградил дорогу. Ну все, мучения начинаются. За что мне это? Двадцать два года человеку исполнилось, но ему даже в семьдесят лет будет доставлять радость издеваться надо мной.

– А подари. Ты в них не на пчелу, а на стрекозу была похожа, – подмигнул парень. – А эти твои джинсы-клеш, и коричневая водолазка... мммм.

– Горин, а ты чего на переводчика пошел учиться? – разозлилась я. – Тебе дорога на первый канал. Сразу на «Модный приговор». Потесни Васильева, критик ты мой.

Леша растерялся. Даже брови приподнял в удивлении. Я ведь и правда редко давала отпор, предпочитая бегство. Но из-за своих очков, которые носила в школе, я столько насмешек натерпелась, что не готова выслушивать гадости, избавившись от них. Да и вообще, столько всего навалилось, а тут этот придурок еще.

– Пчелкина, да ты, оказывается, умеешь кусаться.

– Я тебе сейчас сумкой врежу, если не уйдешь с дороги, – показательно взвесила на лямках тяжелую, набитую тетрадами и учебниками сумку, но Горин лишь хмыкнул.

– Ладно, не жужжи. Дело у меня к тебе. Слышал, тебе деньги нужны...

– Нет! – испугалась я, представляя, какие непотребства я сейчас выслушаю.

Интересно, кто растрепал про деньги? Вряд ли Ануш. Наверное, Ян поделился – дружок Леша, которому я делала доклады, эссе, рефераты и презентации. Долгое время делала в долг, а недавно потребовала его вернуть.

– Нужны, нужны, не ври, – нахмурился Горин. – Давай так, пчелка, ты поможешь мне, а я помогу тебе. Могу дать нужную сумму.

– Два миллиона рублей?

– Да. Два миллиона, – серьезно ответил парень.

– И что взамен? – я ни разу ему не поверила, ожидая новой порции издевательств.

Но Горин на удивление серьезно произнес:

– Мне нужно оформить удочерение. Адвокат сказал, что для этого желательно иметь полную семью и уютный дом. Понимаешь?

Я не понимала. Какое удочерение? Какая семья?

– Горин, что ты несешь? Принял что-то? Про какого ребенка ты говоришь. У тебя разве дочь есть?

– Дочь не моя, моего друга. Я обещал о ней позаботиться. Если хочешь два миллиона, с тебя услуга.

– Какая? – растерялась я, предчувствуя глобальный и эпичный звезд.ец.

– Выходи за меня, Пчелкина. Временно, конечно. Потом разведемся, – подмигнул мне мажор.

Выйти замуж... да он шутит? Очередная издевка от гадкого мажора?

– Ха-ха, очень смешно.

– Потом посмеешься, – серьезно сказал парень, и взял меня за руку. – Пошли, недоверчивая пчелка. Давай, идем, вижу же, что не веришь мне.

Подруга осталась стоять на крыльце универа, широко открытыми глазами наблюдая, как мажор силком ведет меня к парковке.

– Куда ты меня тащишь? Пусти, придурок!

Придурок не отпускал. Довел менч

до своего черного спорткара, пару раз легонько стукнул в окно пальцами, и открыл машину. С заднего сидения поднялась маленькая прехорошенькая девочка лет четырех-пяти. Заспанная, кулачками глаза протирает. Значит, про ребенка правда, и мажору подкинули ребенка.

– Привет, – малышка солнечно мне улыбнулась, с любопытством глядя то на Горина, то на меня.

– Теперь веришь? Пчелкина, давай услуга за услугу, а? Я тебе деньги, ты мне штамп в паспорте и помощь в оформлении удочерения Марьяны, – нагло предложил Горин. – Что скажешь?

Что я скажу?! Я во все глаза смотрю на заспанную очаровательную девочку, которую этот балбес догадался на парковке бросить. И на языке вертятся такие словечки, которые я от коллекторов слышала.

Нецензурные.

– Ты ребенка в машине оставлял, пока на парах был? – не выдержала я. – Совсем с ума сошел? И почему девочка выглядит так, будто ты ею полы мыл? Ну Горин! И почему я не удивлена?

Леша, кажется, смутился. И поделом! Блондинистое чудо выглядит отнюдь не чудесным образом: на голове воронье гнездо, одежда измята и художественно вымазана краской. Да и одет ребенок как капуста: джинсы, платье, мальчишеские кроссовки...

– А что такого-то? Я ж мелкую запер, не на улице оставил болтаться, а в машине, – пожал мажор плечами. – В безопасности, вроде как.

Я лишь головой покачала.

– Вроде как. Все у тебя вроде как. Нельзя детей в машине оставлять, Горин! Даже собак нельзя, а детей и подавно.

– А где мне ее оставлять? С собой на пары брать? – поднял брови Горин. – Пчелка, не будь занудой. Поможешь мне? Бабки будут... только ты серьезно про два миллиона? Не загнула цену?

Вот так и знала.

Нет, я и не собиралась соглашаться. Папа, хоть и не очень удачливый человек, но научил меня не особо на мужчин рассчитывать. И не соглашаться на сомнительные сделки. Да и Горин – последний человек, с которым я могла бы себя представить, пусть даже и фиктивно. Но все же, на минуту я поверила ему про деньги, про то, что даст мне два миллиона, и мы с папой сможем жить спокойно, не боясь остаться на улице.

А он на попятный идет.

– Все с тобой ясно, Горин. Балабол ты! – я хотела развернуться, но мажор схватил меня за плечо.

– Эй, пчелка, не так быстро. Два мультя, так два мультя. Чес-слово, бабки будут. Все у нас как в нормальной семье будет: ты мне штамп, а я тебя обеспечу, – подмигнул Горин, и издевательски протянул: – Давай поженимся, принцесса. И будем жить душа в душу, пока районный ЗАГС не разведет нас!

Я сузила глаза, не понимая – Горин шутит или серьезно?! Или и то, и другое?

– Пчелкина, не пыхти, – угомонился мажор, перестав паясничать. Оперся бедром о машину, и произнес: – Я ж говорил: у адвоката был. На Марьяну вообще никаких документов не оформлено. Подозреваю, она... как бы это сказать, хм, в розыске. Я сходил, посоветовался, и мне адвокат сказал, чтобы я сам пришел в опеку сдаваться вместе с Марьяной. Желательно, с будущей женой и справками из банка и поликлиники. Ты пойдешь со мной, скажешь, какой я весь расчудесный будущий муж, и отец из меня – сказка. Мне позволят оформить временную опеку, потом поженимся, и малышку я удочерю.

– А потом развод? – растерянно спросила я. – И почему я, а, Горин?

– Ну, ты вся такая правильная. Кто же еще? И да, потом развод. И деньги я достану, все по-честному, – подмигнул парень.

Насчет денег я и не переживала. Привыкла, что Горин ими сорит, и два миллиона для него, конечно, не копейки, но и не такая неподъемная сумма, как для меня.

Согласиться я не могу, но и отказаться язык не поворачивается. Эти деньги нас с папой бы спасли.

– Ты согласна? – поторопил мажор. – Нам до пяти вечера нужно успеть в опеку.

– Я-а-а... – протянула, не зная, что ответить, и снова взглянула на уже заснувшую малышку. – Так, Горин. В опеку нужно с Марьяной явиться? Сегодня?

– Угу.

Это не Горин, это горе какое-то.

– Тогда поехали. Только не в опеку, а за нормальными вещами для малышки, – я села на заднее сидение, оказавшись рядом с маленькой девочкой. – Марьяну нужно переодеть, расчесать, и как следует отмыть от краски. Иначе ее отберут у тебя, и правильно сделают.

– А потом? – Горин сел за руль, завел машину, и мы выехали с парковки университета.

– А потом посмотрим, – вздохнула я, и покачала головой.

Мой страшный сон о том, что от мажора мне не отделаться, сбывается.

Глава 2

«Ты пчела – я пчеловод

А мы любим мед

А мне повезет, с тобой мне повезет»

– Горин, выключи это! Прекрати издеваться! – возмутилась Пчелкина с заднего сидения.

Пыхтит, как еж. Смешная такая, обидчивая. И из-за этого поддразнивать Таню еще приятнее. Может, не реагируй она в школе на меня, я бы успокоился, оставил ее в покое. Но поджатые, как у библиотекарки губы, глаза, полные упрека... ну смешно же!

У каждого в детстве было увлечение. Кто-то в футбол любил гонять. Кто-то марки собирал, или в рпг играл. А я любил доставать очкастую Таню Пчелкину, которая от меня шараялась, как от огня. Только ради нее школу не прогуливал, чтобы веселье не пропускать. И иногда заходил в своих шутках дальше, чем нужно.

Делаю погромче дебильную песню, и немелодично подпеваю:

– Ты пчела – я пчеловод...

– Горин! – прошипела пчелка. – Я сейчас пошлю тебя куда подальше вместе с твоей проблемой, ясно? И я не шучу!

– Ты не умеешь шутить, – вздохнул, и выключил радио. – Нет у тебя чувства юмора.

– Зато у меня ногти есть. Длинные. Они мне чувство юмора заменяют, когда нужно некоторым шутникам лица расцарапать.

– Лучше расцарапай мне спину, м? Мы же поженимся скоро, – наблюдаю за Пчелкиной в зеркало заднего вида, и смеюсь, увидев любимое выражение лица – ну вот, губы поджала, обиженка какая. – Эй, ладно-ладно, пошутил я. Куда сначала? За вещами, или Марьяшу отмыывать? Я ей купил всякого шмотья, она сама выбирала, кстати.

– Да я вижу, что сама выбирала. Ужас какой. Поехали в торговый центр. И почему она в краске вся?

– Потому что рисовать любит. Я же не сволочь, чтобы у ребенка краски отбирать.

– Зато в машине ты ее запер, – продолжила пчелка занудно жужжать.

Ну запер. Я ей воду оставил вообще-то. И так прогуливал сколько времени. Я бы и сегодня в универ не пошел, не приди мне в голову гениальная идея, как совместить приятное с полезным.

Что ни говори, но Таня лучше всех подходит на роль временной жены. Адвокат застрашил меня, что ребенка не отдадут свободному парню, который универ даже не окончил. Тем более, послужной список у меня... сомнительный: пара приводов, отчисление из МГИМО с фанфарами и фейерверками.

А Пчелкина – это Пчелкина. Ботан от рождения, ходила по универу, долги со всех трясла. Значит, нужны бабки. Два мультя, конечно, сумма ого-го, но батя долго жестить не будет. Разблокирует карты, и я порадуя пчелку. Все в шоколаде будем. Пчелкиной – бабки, мне – Марьяна, и вдобавок постебуй над Таней как следует. Она хоть отвечать научилась.

– Я вас подожду где-то здесь, – киваю на фудкорт, и выдаю пчелке свою личную карту, на которой денег хватит в лучшем случае на месяц. – Покупайте, что хотите.

– Тетя, а как вас зовут? – подает голос Марьяна, дергая Таню за юбку.

Девочку я снова разбудил, заставил выйти из машины, и она вряд ли понимает, что происходит.

– Таня, – пчелка садится, чтобы быть вровень с малышкой. – А ты Марьяна?

– Я тигр-р-р-ра, – смешно прорычала девочка.

Стас, кажется, скороговорки с ней разучивал, чтобы не картавила. И Марьяна сейчас просто обожает все слова, в которых есть буква «р», которая раньше в ее исполнении звучала, как «л».

– Хорошо. Тигра, устроим шопинг? И... чем от тебя пахнет? – принялась Таня к стоящей рядом с ней малышке. Подняла на меня голову, и вопросительно поинтересовалась: – Горин?

Хм, ну голову я Марьяне мыл. И лицо умывал. Зубы чистили вместе. А в ванной-то как ее мыть? Страшно одну оставлять, вдруг утонет. Вот и попахивает малость, ничего критичного. Хотя Таня, судя по ее лицу, окончательно во мне разочаровалась.

– Я няню думал найти, но все времени не было, – смутился, объясняя неопрятность ребенка.

– Ясно. Никакого фудкорта, Горин. Пойдешь с нами, – раскомандовалась властная пчелка. – Сейчас купим приличное платье, обувь, белье, и поедem к тебе. А потом в опеку.

– Значит, согласна?

Уфф, все же, я сомневался, что Таня на деньги поведется. Слишком сильно она меня не любит, и, что греха таить, побаивается. Но кажется, обаяние Марьяны, или как она сама себя называет, тигры, сделало свое дело – Пчелкина повелась.

«Или не обаяние» – подумал я, наблюдая, с какой жалостью Таня смотрит на мелкую. А меня она возмущением окатывает.

Прям тигра и тигрица, того и гляди, покусает.

– Сначала посмотрим, что опека скажет. Но я в любом случае не доверю тебе ребенка, – высокомерно произнесла Таня, и тихо добавила: – Угроишь же ее, балбес.

Я предпочел не спорить, и не отвечать на оскорбления. Все что угодно, лишь бы не передумала.

ТАНЯ

Горин вызывает смешанные чувства.

Сначала я решила, что свадьба и ребенок – это развод какой-то. Просто не могу я представить мажора, воспитывающего ребенка! Горин же избалованный балбес. Он о себе-то позаботиться вряд ли может.

Но осмотрев Марьяну, я поняла – все правда. Это ж надо, Горин стесняется мыть ребенка, потому пусть ходит грязной. Уникум, чтоб его!

– Мелкая, осмотришь пока, – сказал мажор Марьяне, когда мы вошли в магазин детских вещей. И придержал меня за руку. – Пчелка, вопросы есть?

– Где родители девочки?

– Мать ее кинула сразу после рождения. Вообще, она аборт хотела сделать, – нахмурился парень, – Стас отговорил. А как родила, сообщила, что либо отказ напишет, и в дом малютки, либо пусть Стас забирает, раз попросил рожать.

Я поджала губы, сдерживая ругательства. Мать... перемать! Моя, хоть и скачет из одного замужества в другое, и не слишком мной интересуется, но я знаю – любит меня. Пусть, себя мама любит намного больше, но случись что с отцом – мама бы меня не бросила при всех ее недостатках. А тут... кукушка.

– А Стас умер. Разбился, – потемнел Горин лицом. – Вот я и взял Марьяну к себе. Больше у нее нет никого – ни бабушек, ни дедушек. Никого. Так что не подведи, пчелка. Малышка со мной должна остаться. Помоги, а?

И так посмотрел на меня. Как нормальный человек, я бы сказала. Серьезно, просяще. Видно, что девочка дорога ему. Либо как память о друге, либо сама по себе. И это делает Горина человечнее, а не тем извергом, к которому я привыкла.

Который однажды позвал меня на свидание, и я зачем-то пришла. А он – нет.

– Я помогу. Конечно, помогу. Бедная девочка, – покачала я головой.

– Она не знает про Стаса. Ты ей скажи как-нибудь сама, а?

– А ты не обнаглел? – я аж поперхнулась. – Марьяна не знает, что ее папа умер?

– Нет. Фиг знает, как ей сказать, – стушевался парень, и нагло продолжил: – Вы же, девчонки, умеете как-то понимать друг друга. Вот и скажи ей, лады? Как-нибудь аккуратно.

– Как? Я для нее чужая, Горин. Очнись!

– Зато у тебя материнский инстинкт есть. Он подскажет.

Я похлопала глазами, силясь подобрать цензурные слова, а затем поспешила к малышке. Видно, что ее мужчины воспитывали – Марьяна с любопытством дергала с вешалок мальчишеские вещи. Ну уж нет. Девочка должна быть девочкой!

А Горин хитренький. Сама скажи, угу. Непонятная, чужая тетка пусть сообщает ребенку про смерть отца, а сам Леша при этом останется чистеньким. Нет, я могу сказать Марьяне, но не лучше ли, чтобы это сделал более родной для нее человек? Вот только Горин боится, и это очевидно.

– Скажешь? – продолжил он допытываться. – Мелкая уже несколько дней выпрашивает, где Стас. А я вру, что он уехал.

Уехал, но обещал вернуться...

– Ладно, скажу, – нахмурилась я, и подошла к малышке. – Тигра, а давай еще одно платьице купим, а? И туфельки. Если хочешь джинсы, то есть на девочек, а ты сейчас для мальчиков смотришь вещи.

– Давайте, – оживилась малышка, хотя я ожидала споров.

Все же, малыши куда приятнее вечно спорящих, недовольных всем подростков, которых я английскому учила. Все бы вели себя, как пятилетки – цены бы им не было!

Я ожидала, что поход в магазин за вещами не для себя будет скучным, но ошиблась. Все же, наряжать красивую как куколка девочку мне понравилось. Будь моя воля, все магазины бы обошла, заставив Марьяну перемерять тонну одежды, и скупив половину. Но мажор начал вздыхать, и дергать меня за руку:

– Пойдем, а? Пчелкина, нам в опеку надо. А до этого в душ бы, – кивнул он на малышку. – А то мне ее точно не отдадут. Давай домой, плиз!

– Ну давай, – с сожалением протянула я, и мы вышли из магазина.

Но по пути встретился еще один, а в витрине манекен с очаровательным желтым платьем как раз на осень. Марьяна в нем будет просто чудо, как хороша.

– Горин...

– Нет. Нет, нет, и еще раз нет! Так, тигры мои, шопинг окончен, едем домой, – он буквально потянул нас с Марьяной к эскалатору, и я вздохнула.

Все же, я не шмоточница. Но оказалось, что наряжать не себя, гораздо приятнее. И выяснилось, что когда у меня появится собственный ребенок, я превращусь в барахольщицу. Стоит заранее пожалеть малыша.

Горин насвистывает, помахивает пакетами, пока мы едем вниз на эскалаторе. Радует, что экзекуция окончилась. Наивный чукотский мальчик, ха! Все только начинается!

– Алекс, – сначала я услышала окрик, стук каблуков по мраморному полу торгового центра, а затем увидела размалеванную рыжую девицу – красивую, но противную до ужаса. – Так, я не поняла, это что за лахудра? Алекс, милый, ты...

– Не сейчас, Ди, – поморщился парень. – Давай потом поговорим.

– В смысле не сейчас? – заверещала девица. – Ты какого фига шляешься по магазинам с другой бабой? Что, айфон ей покупал, да?

– По себе судишь? – приподняла я брови. – Часто с мужиками по магазинам ходишь, да?

Алекс, надо же. Не Леша, не Леха, и даже не балбес Горин, а Алекс. Фу-ты ну-ты, умереть, не встать.

– Таня, – пропищала малышка, и я присела на корточки, забив на скандалящую парочку. А они именно пара, судя по всему. И кому больше не повезло – большой вопрос.

– Что, тигра?

– Это Диана, она плохая, – надулась девочка, тыча пальцем в рыжую. – Приходила к нам с дядей Лешей. Плохая она, пусть уйдет!

– Она тебя обижала?

– Она сказала, что меня с помойки взяли, и на помойку вернут, – губы малышки задрожали, и я до ужаса захотела вцепиться в патлы неумной девки, и за них оттащить ее саму на свалку. – Только я же не с помойки! А она сказала, что я мешаю. Дядя Леша ее выгнал тогда, и сейчас пусть выгонит. Скажи ему.

Вот ведь стерва!

Видно, что красавице лет двадцать от силы, как и мне самой, но возраст ведь не повод для того, чтобы быть такой идиоткой. И маленькому ребенку гадости говорить!

– ... таскаешься с ней. Думаешь, я не знаю, что ты мне изменяешь? – вопила Диана, пока Горин пытался ее успокоить. – Хорошо устроился, я тебе скажу. Мне пытался ребенка пристроить, а теперь на очереди вторая твоя баба? Ну я тебе устрою...

– Диана, да заткнись ты! – рявкнул Горин, но девушка разъяренно улыбнулась, и закричала:

– Вызовите полицию! Этот человек украл чужого ребенка!

Марьяна обняла меня за ноги, а я похолодела – документов на малышку у Горина, кажется, нет. И в это время я увидела, как к нам идут два охранника ТРЦ.

– Диана, твою мать, – начал Горин, но его прервали.

– Пройдемте, пожалуйста, с нами.

Смотрю на охранников, и злюсь. На мстительную деваху, которая нашла себе врага в лице маленького ребенка. Нет, я понимаю, мажору лицо разукрасить – это, можно сказать, святое. И на взрослом парне отыгрываться никто бы ей не помешал.

Но на малышке, у которой, итак, судьба – не сахар?!

– Пройдемте, – повторил один из охранников, кивая нам. – Полицию подождем в службе. А девочку, пожалуйста, дайте мне.

– Сколько? – вздохнул Горин, доставая кошелек. – Пять? Десять тысяч?

Я сразу поняла, что это – ошибка. Есть продажные охранники и полицейские, но эти, даже если такие, слышали вопли придурковатой бабы про украденного ребенка. И когда в дело дети замешаны, у многих совесть просыпается.

И я была права. Оба мужчины подобрались, растеряли всю свою вежливость. Один из них схватил Горина за плечи, и я выступила вперед, подняв Марьяну на руки.

– Малышка, поможешь? – шепнула ей, и обратилась к охране: – Послушайте, это какая-то ошибка. Эта девушка, – я поморщилась, и кивнула на Диану, с удовлетворением наблюдающую за нами, – просто бывшая моего... моего парня. Вы ведь понимаете, что из ревности могут что-то похуже, чем киднеппинг придумать.

Мой парень...

Прости меня, Господи, за то, что произнесла этакую пакость!

– Да врет она все, – прошипела Диана, еще больше взбесившись. Видимо, из-за того, что я Горина своим парнем назвала. – Я эту лохушку впервые вижу. А Алекс – мой, ясно? Припер ребенка, а она без документов, между прочим. Девочка эта. Вы проверьте, есть ли у Алекса документы на ребенка? А я вам скажу – нет их. И он мне сам сказал! Девчонку пытался на меня повесить, чтобы я помогала, а как отказала, нашел себе вот эту вот, – Диана скривилась, указывая на меня. – Я закон нарушать не хотела, уговаривала Алекса обратиться в опеку. А эта девка, видимо, на все готова ради бабла. Даже на преступление.

– Ты что, твою мать, несешь, Диана? – прошипел Леша. – Думаешь, после этого у нас с тобой не все кончено?

– Это я тебя бросаю, ясно? Не ты, а я!

– Так, ясно, – заключил охранник, недобрым взглядом окидывая нашу компанию. – Вам всем лучше пройти с нами, и дождаться полицейских. Паспорта с собой?

– Мои документы дома, – постаралась я все уладить. – Молодые люди, я могу отцу позвонить, он привезет. А Марьяна, – я слегка подкинула легкую малышку в руках, – дочь друга. Мы оформляем опеку. Никто ребенка не крал. Ну сами посудите, стали бы мы разгуливать по магазинам, будь мы преступниками?

– Полиция разберется.

– К чему полиция? Не стоит пугать маленького ребенка, – улыбнулась я, но Диана издевательски захохотала.

Вот же сволочь ревнивая!

– Не тратьте время, – нахмурился охранник. – Полиция уже едет, администратор вызвал. А вам лучше спокойно подождать их, там и разберемся. И девочку, все же, отдайте.

Охранник протянул ко мне руки, а Марьяна вцепилась в мои плечи, испугавшись. Я бы на ее месте давно билась в истерике – вокруг нас уже собралась толпа. Все пялятся, Диана издевается. Да и у меня руки подрагивают – я впервые в такой ситуации оказалась.

– Убери руки от них! – рявкнул Горин, ничуть не пытаясь сгладить углы, и грубо оттолкнул от нас с малышкой охранника.

– Разойдитесь! Что здесь происходит? Вы вызывали по ситуации с ребенком?

Я тихо застонала.

Полиция приехала быстро. Участок у них рядом что ли?

Охранники в двух словах описали ситуацию, Диана добавила, а мы с Гориним переглянулись – ну и встряли. И что теперь делать то?

– Пройдемте с нами, и без фокусов, – женщина-полицейский обратилась именно ко мне. – Опустите ребенка на пол, и выходите.

– То есть, вы утверждаете, что вы просто не успели оформить нужные документы на девочку? Как ее полное имя, кстати?

Женщина-полицейский допрашивала нас втроем – меня, мажора, и Диану. А Марьяну, несмотря на наши протесты, увели.

– Власова Марьяна Станиславовна, – ответил Горин. – Ей пять лет. Сегодня мы с моей невестой должны были поехать в инспекцию, и начать оформлять документы. Но вы нам помешали.

– Горин, повежливее будь. Не переломишься, – зашипела я.

Вот умеет же человек настраивать против себя всех вокруг своим высокомерием, которое прорывается, когда не надо!

– Неве-е-е-стой? – ахнула Диана, которую непонятно зачем притащили с нами, и никак не утащат туда, откуда взяли. – Алекс, что это значит? Эта лахудра твоя невеста? А я кто?

Рыжая вскочила со стула, ее сумочка упала на пол, и из нее покатались помады, бальзамы, хайлайтеры и прочее. И это отвлекло девицу от мордобоя, который мне никак не нужен.

– Как я уже сказала, паспорта у меня с собой нет. Только копия. Могу дать студенческий билет, – старательно растянула я губы в улыбке. – Копию паспорта всегда с собой ношу, часто в метро ежу. Преподаю английский язык. Кстати, вы можете позвонить в деканат, и поинтересоваться – у меня отличная характеристика.

А у мажора – антиотличная. Прогуливает, дерется. В начале учебного года скандал был – что-то связанное с гонками по ночному городу, даже полиция приходила. Но зато я старательно работала на репутацию!

– Давайте сюда, – полицейская протянула ладонь, в которую я вложила студию и копию паспорта. – Сейчас позвоним, все разузнаю.

– Узнайте, – ответила я, и лягнула Горина, который уже открыл рот, чтобы снова сказать что-то не слишком уместное. Я прошипела ему: – Лучше молчи, хмм, Алекс. – и снова обратилась к полицейской: – Мы скоро поженимся. Марьяна, как мы уже объяснили, дочь близкого друга Леши. Он просто у меня, хмм, неумный, вот и не сообразил, что нужно сразу бумаги оформлять.

– Разберемся. Для начала мне нужна ваша характеристика. А инспектора из опеки уже вызвали, – буркнула полицейская. – Сидите здесь!

Она вышла, держа в руках мой студенческий билет. Хорошо, хоть про Горина не спросила. Может, сообразила, что попроси она его характеристику, слушать придется целый час о его художествах?!

– Ах ты ссссс...

– Диана! – оборвал заверещавшую девку Горин. – Ты совсем больная?

– Это ты все! Сам виноват! Изменял мне. И ладно, изменял, но вот с этой? – окинула она меня презрением. – Получше не нашел?

– Кого надо, того и нашел, – рявкнул парень. – Ты не представляешь, какую кашу ты заварила. Ты...

И понеслось. Мажор, не сдерживаясь в выражениях, начал крыть Диану не самыми приличными словами. Я бы за такие давно пощечин надавала. А рыжая, которая сначала строила из себя королеву, начала сдуваться.

И не из-за чувства вины. Она, видимо, из тех, кто теряет, когда получает по заслугам.

Пока парочка ругалась, на что мне почему-то было приятно смотреть, я решила пораскинуть мозгами: сейчас придет инспектор из опеки. Это раз.

Два – мне нужно убедить ее не забирать Марьяну. Какой бы бестолочью ни был Горин – он лучше, чем приют. И убеждать инспектора придется мне. Горину это не доверишь. Голова этому товарищу нужна только для того, чтобы в нее есть.

Три – мне придется выйти за Горина замуж. За Горина! Замуж! Жесть какая. Узнает кто из одноклассников – не поверят. Но радуется, что замужество это будет временным, как и практически все браки у нас в стране. Мы с Гориним, можно сказать, не преступление замыслили, а просто поддерживаем статистику и традиции. Вот!

– ... ну котик, я просто не сдержалась, – услышала я, вынырнув из своих мыслей. – Ты же знаешь, какая я ревнивая. А ты повод даешь постоянно! Мог бы нормально мне объяснить, и я бы помогла.

– Я говорил тебе, что нужна помощь с Марьяной.

– Ты хотел из меня няньку сделать, – заканючила рыжая. – Про замужество ты ничего не говорил. Просто: «Посиди с ней, помой ее, поиграй с ней». Вот я и не выдержала. Сглупила. Ну милый, – Диана придвинула стул, и нагло прильнула к Горину, почти легла на него, – ты же не обижаешься на меня? Я могу помочь тебе. Позволь заглазить свою вину?

– Диана...

– Нет-нет, послушай, – зачастила девушка, стреляя глазами, и выгодно подставив богатое декольте под нос мажору, – я знаю, что накосячила. Дура я! Но ты мне так дорог, что я просто не выдержала всех этих новостей. То у тебя ребенок появился... да я вообще так к ней отнеслась, потому что решила, что ты ее нагулял. Думала, ты врешь мне. А сейчас я все поняла. И готова выйти за тебя. Если хочешь – временно. Все, что захочешь.

Я приоткрыла рот от подобного заявления. Сейчас Горин согласится. Уж с Дианой у него точно не фиктивный брак будет, а, хмм, консумированный. И, если Горин захочет, то временный.

Не знаю, что я чувствую по этому поводу. С одной стороны облегчение, что вернусь в свою привычную жизнь, а с другой... с другой меня все это бесит! И Горин, и рыжая Диана, и я сама себя сейчас бешу, потому что мне банально хочется устроить скандал.

– Алекс, ну что ты молчишь? Я ведь лучше, чем она, и я извинилась. Так что, кого ты выберешь? – Диана захлопала нарощенными ресницами, приоткрыв пухлые губки.

И именно в этот миг дверь резко открылась, впуская троих полицейских.

Кажется, опека пожаловала.

– Я жду ответ, – шепнула Диана. – А про эту скажем, что ты решил вызвать мою ревность. И мой папа поможет с опекой.

Вот же...!

Глава 3

Сказать, что я возмущена, значит преуменьшить.

Я просто в бешенстве!

То есть я, при всем нашем совместном несчастливом прошлом, решила помочь мажору. Наплевала на обиду ради ребенка, а он сейчас... что? Купится на «раскаяние» этой рыжухи?

«Да пошел он к черту!» – подумала я, мысленно плюнув Горину в лицо.

Но затем вспомнила малышку. Вроде, знакомы с Марьяной совсем ничего, но жалко ведь. Один Горин ее не угробил лишь чудом, а если ему будет «помогать» Диана, то девочке, наверное, и правда лучше в приют. Там, возможно, ее хоть купать будут, и она не услышит, что на помойку ее нужно.

– Итак, рассказывайте! Зачем вы выкрали дочь погибшего Власова Станислава Николаевича?

– Я не крал! – возмутился Горин.

– Не крали? Хм, а у нас иная информация, – нахмурился инспектор из опеки. – В больнице есть записи о вашем посещении покойного Власова. Затем вы выехали к нему на квартиру, и забрали ребенка. Наш коллега приехал, когда девочки уже не было там. Зачем она вам?

– Марьяна – дочь друга, я обещал о ней позаботиться. Это вам она зачем? Я справлюсь гораздо лучше. Меня Марьяна знает, любит меня. И деньги у меня есть, смогу вырастить. А в детдоме что ей дадут – дешевые вещи, деревянные игрушки и невкусную еду?

Я тяжело вздохнула, и покачала головой. А хотелось подойти, и отвесить этому выпендрожнику подзатыльник. Может, он дело говорит, и гордость у человека имеется. Но мажор, видимо, редко сталкивался с адептами великой и ужасной госмашины. А я сталкивалась, и знаю: нужно улыбаться, кивать, лебезить, и всячески их умасливать. Как бы это все ни претило.

– Про деревянные игрушки знания устаревшие, – холодно отрезал инспектор. – На каждого ребенка в месяц государство выделяет пятьдесят две тысячи рублей в месяц, к сведению. Пятиразовое питание, поездки в лагерь, концерты и конкурсы... вы изучите информацию, прежде чем бросаться подобными словами.

– Все равно, со мной Марьяне будет лучше, – набычился Горин.

– Лучше? – инспектор наморщил лоб, и склонился над столом, оперевшись на локти. – А вы уверены? Если да, то ответьте на пару вопросов.

– Спрашивайте, – нагло кивнул Горин.

Мы с Дианой переглянулись, и она усмехнулась. Видит, что Горин все портит, и радуется этому.

«Не станет она ему помогать, – поняла я. – Сейчас мажор настроит против себя опеку, Марьяну заберут, и Диана наврет, что ее отец ничего не смог сделать»

– Почему вы не явились в опеку с полным пакетом документов, и не оформили все как следует?

– Сегодня как раз собирался, да не успел. Вы меня опередили.

– Понятно. Какой у вас уровень дохода? – поинтересовался инспектор. – Официальный уровень, я имею в виду. Зарплата.

Ой, все. Мажор и зарплата звучит также нелепо, как сантехник и трезвость. Сейчас Горин начнет заливать про своего богатого папочку, и я окончательно в нем разочаруюсь.

– Я только устроился на работу, с понедельника выхожу. – вдруг смутился Горин. – Шестьдесят три тысячи – оклад. Справку с работы предоставлю.

– Ты на работу устроился? – ахнула Диана, и наморщила нос: – Фу, шестьдесят три тысячи? Ты дворником устроился, милый? Герман Андреевич ведь в Форбс, зачем тебе эти копейки?

Ничего себе копейки! Копейки – это зарплата на моей первой работе, когда я в аптеках полы мыла. Вот там реальные гроши были, и то мне в радость были.

– Сисадмином я устроился, – через зубы проговорил Горин.

– Так, следующий вопрос: вы планируете брать опеку над ребенком, или удочерение?

– Удочерение, конечно, – кивнул Леша.

– А вы знаете, через что вам придется пройти? – инспектор, кажется, подумал, что мажор дурью от скуки мается. – Вам нужно будет собрать множество документов, пройти медкомиссию и курсы подготовки. Вас будут проверять – условия проживания, характеристики с работы и учебы. Проверки будут доскональными и изматывающими. Вы готовы к этому?

Тут даже я бы задумалась. Помедлила бы хоть пол минуты. Удочерение – это не на пару месяцев или лет, это даже не до совершеннолетия. Это навсегда! Ответственность за другого человека и перед людьми, и перед законом. И перед самим собой. Но мажор ответил, не раздумывая, чем немало меня удивил:

– Я готов. Читал обо всем, что меня ждет. Даже с адвокатом советовался, так что не стоит меня пугать – пуганный уже.

– Хорошо, – кивнул инспектор, и я огляделась – остальные из опеки тихо беседовали с женщиной-полицейским, и что-то записывали. – Вот только приоритет дается либо родственникам, либо полным семьям, скажу вам без утайки.

– Но я – друг отца Марьяны, – возмутился Горин. – Приоритет у меня!

– Друг, названный брат, хоть кто – это не имеет значения. Нам важны родственные связи. Либо полные семьи, где есть мать, которая будет заниматься воспитанием, и отец, который будет обеспечивать ребенка. Сомневаюсь, что вы сможете сами воспитать девочку. Не прокормить, обуть и одеть, а именно воспитать, – терпеливо пояснил инспектор, и я не смогла с ним не согласиться.

Так и представила Марьяну через пару лет – ругающуюся, как сапожник, одевающуюся как мальчишка, и играющую в рпг двоечницу. Это если Диана ее раньше не угробит. Рыжая будто из сказки явилась, и она в этой сказке – мачеха, которая может отправить ребенка зимой за подснежниками.

– Вообще-то, у Марьяны будет мать. Я жениться собрался, – сказал мажор, и замолчал.

Перевел взгляд на Диану, принявшую ангельский вид, и глядящую на него, как кот из Шрека. А потом посмотрел на надутую меня. А я и правда надулась, ведь сейчас меня банально пошлют куда подальше, будто мне мало проблем было от Горина. А теперь вдобавок еще унижит.

– Да, – вступила в беседу полицейская, – Молодой человек утверждает, что эта девушка, – она указала на меня, – его будущая жена.

– Это так? Вы подали заявление?

– Еще нет, – тихо произнесла я, ожидая, что Горин меня поправит.

Что не я его невеста, а Диана. А я так, развлечение. Наврет, что наши объяснения не так поняли, и я мимокрокодил. Или университетская фанатка этой мажористой звезды.

Но Горин не сказал вообще ничего.

Зато Диана вскочила со стула:

– Вообще-то, невеста Алекса – я, а не эта дура! Вы посмотрите на нее, и на меня, и вопросы отпадут! Ну очевидно же!

– Так, – нахмурился инспектор, – у вас две невесты? Вы в курсе, что многоженство у нас запрещено? Мы отдаем детей только в традиционные семьи, и разврат не приветствуем.

– Диана, – мажор покачал головой, и отвернулся от возмущенной рыжей, а затем обратился к инспектору: – Это моя... бывшая.

– Мы же договорились! Невеста – я, а не она, – Диана от злости махнула рукой, и сбила гору документов, лежащих на углу стола. – Ты же ясно дал понять...

– Заткнись уже, – прошипел Леша.

Хм, кажется, мне пора вступить в беседу. Горин, конечно, сейчас не объявил во всеуслышанье, что его невеста – я. Но и про Диану сказал, что она – бывшая. И эта бывшая, кажется, намеревается выцарапать глаза тому, кого она бывшим считать отказывается.

– Послушайте, я его невеста, – улыбнулась я инспектору. – Мы поженимся очень скоро, на днях заявление подадим. Обещаю, девочку мы воспитаем хорошо. Мы позаботимся о Марьяне. Кстати, одно время я подрабатывала няней, и прекрасно обращаюсь с детьми. Вы не смотрите на наш возраст: Леша на работу устроился, я занимаюсь репетиторством, языки преподаю. Профессия денежная, Марьяна не будет ни в чем нуждаться. Просто позвольте нам пока оставить ее у себя, и постепенно мы оформим все нужные...

– Ах ты тварь! Ты! – визгливо выкрикнула Диана. – Ты что о себе возомнила? Да, мы с Лешей поссорились, вот он и хочет меня позлить. А тут ты нарисовалась. Невеста, пфф, ну смешно же. Еще вчера у Леша не было никакой невесты, а сегодня вдруг появилась? Фиг тебе, ясно? Не отдам!

Детский сад какой-то. Вот ведь избалованная дура!

Я покачала головой, не решаясь вступать в скандал при полиции и инспекторе, который, кажется, готов позволить нам оставить Марьяну у себя. Что бы там Горин не думал о Диане, но я сама для себя решила – я этим мажорам мучить девочку не позволю!

– Значит, так, – рявкнул инспектор, вдруг разозлившись, хотя еще минуту назад был благосклонно настроен, – это цирк какой-то! Вы, Горин, разберитесь в своих невестах сначала, а потом уже детей заводите. Ребенку в такой обстановке оставаться небезопасно, и девочку мы забираем.

Он встал и, не обращая внимание на наши с Гориним уговоры, вышел из кабинета, поманив за собой своих коллег.

– Твою мать! – Горин со злостью врезал кулаком по двери участка.

Лучше бы головой побился.

– Даже попроситься с Марьяной не дали! Они вообще в курсе, блин, кто я?

– Им плевать, что ты мажорчик. Уймись, Горин, – закатила я глаза. – Что будешь делать дальше?

Наверное, мне стоило бы уйти. Или, памятуя о нашем славном прошлом, хоть насладиться отчаянием мажора. А я, если быть честной, раньше грезила о том, чтобы «бумеранг добра» прилетел, и стукнул Лешу по башке.

И вот, прилетел и стукнул, мажору фигово. А я не наслаждаюсь. Его мне не жаль ни капли – заслужил. А вот Марьяна... она ведь домашний ребенок, сразу видно. Для нее это все стресс: про отца ничего не знает, пару дней пожила с Гориним, а теперь какие-то чужие люди ее забрали. Несчастливая малышка.

– Что я буду делать? – переспросил Горин, и вдруг нахально улыбнулся. – Что МЫ будем делать, Пчелка моя! Так правильное.

– И что мы будем делать?

– Жениться, – пожал плечами парень. – У Яна мать в ЗАГСе работает, договорюсь, и распишет нас по-быстрому. Сегодня... нет, уже завтра.

– Так, – растерялась я. – А дальше?

– Соберу все эти дебилные бумажки, и приду за Марьяной. И пусть только попробуют мне ее не отдать! – рявкнул парень. – Вообще офигели! Ну так что, Пчелка, не передумала мне помогать?

– Не передумала, – грустно ответила я мажору, вспомнив чумазую Марьяну и, что уж греха таить, отцовский долг в два миллиона. – Леш, ты бы у отца помощи попросил, а? Он ведь легко все уладит. Ну, не легко, но сможет ускорить процесс получения опеки, а затем и удочерения.

Горин внимательно взглянул на меня, и покачал головой:

– Не, не вариант. Отец сказал, чтобы с Марьяной я сам разбирался. Типа, раз я взрослый, то должен сам свои проблемы решать. И я решу. Я же специально и работу нашел, причем официальную, с налогами и прочей ерундой. К адвокату ходил. На тебе вот женюсь. И завтра после ЗАГСа медкомиссию пройду.

Я растерянно захлопала глазами. Нет, я понимаю, что брак фиктивный, но это не слишком? Горин поставил меня в один ряд с налогами и медкомиссией.

Чурбан!

– Тань, ты это, не парься. Я про два лимона помню. Все будет, – Горин, видимо, неправильно понял мое выражение лица, не сулящее ему ничего доброго. – Когда тебе бабло нужно, кстати?

– До первого декабря.

– Супер, – обрадовался парень. – В конце ноября получишь всю сумму. Если, конечно, будешь хорошей и послушной женой, Пчелка моя. Выполняй все мои капризы, ублажай меня, и за это...

– Горин! – прорычала я с угрозой, злясь на веселящегося мажора.

Вот нашел же время зубоскалить. Он неисправим.

– Сорян. Деньги будут, в общем. Ты только в ЗАГС завтра явись, не кинь меня, – тихо попросил парень.

Не кинь меня, как я тебя кинул. Не думай, Горин, я не забыла то несостоявшееся свидание, на которое ты меня позвал. И ты не забыл, я ведь вижу это по твоему лицу.

Это было на школьной дискотеке, устроенной в нашем спортзале. Горин подошел ко мне, прижавшейся к стене, и я ожидала чего угодно, но не смущенного: «Давай завтра погуляем, Пчелка, а? В кино ходим, в кафешку. Типа свидание»

Согласилась ведь, дура набитая. Пришла. И ждала его, ругая пробки, непогоду, и возможный метеорит, упавший на Горина по пути на наше свидание. Лучше бы на него и правда метеорит тогда упал! Вот только все оказалось куда банальнее.

– Ты договорись сначала. Такие дела быстро не делаются. Сегодня же собери сумку для Марьяны – ее вещи, игрушки. Неизвестно, сколько ее тебе не отдадут, и девочка не должна чувствовать себя брошенной, – произнесла я, и услышала сзади окрик:

– Алекс. Да стой ты! – разорвалась Диана. – Любимый, я все исправлю, честно. Я все исправлю, девчонку тебе вернут. Ты только...

– Ты так и будешь слушать этот бред? – холодно поинтересовалась я у застывшего посреди дороги Горина.

Такую вот Диану мог встретить на пути только Леша. Вкуса у человека нет никакого.

– Пошли, – кивнул он.

И мы направились к ТРЦ, у которого припаркована его машина.

– Я подвезу тебя, садись.

Я спорить не стала, и села в машину, назвав мажору свой адрес.

– Тань, ты ведь понимаешь, что жить нам придется вместе? Эта... Диана, – поморщился он, – крепко меня подставила. Инспектор мог подумать, что брак у нас фиктивный.

– И как ты связался с этой злобной истеричкой? – не выдержала я.

И Горин снова меня удивил. Да так, что я еле сдержалась, чтобы не наорать на него.

– Да она не со зла. Диана просто не слишком умная, вот и вспыхнула не к месту, – отмахнулся парень. – Так, ладно, сейчас я наберу Яна, и договорюсь насчет свадьбы.

Ян Гиря – наш одноклассник и правда был сыном регистратора, за что был прозван Мендельсоном. Я не очень-то верила, что нас с мажором поженят завтра рано поутру. Сейчас ведь вечер, его просто пошлют. Мы даже заявление не подавали. Но Горин меня удивил, заболтав сначала Яна, а затем и его мать, пообещав подарить набор хрустала Леонардо, чем растопил сердце женщины.

– Готово, – картинно отряхнул руки Горин, нажав на отбой. – Не забудь документы. Завтра в восемь тридцать, Пчелка, ты станешь моей законной женой. А это место мечтают занять...

– Да-да, миллионы женщин и парочка мужчин, – я показала ему язык, дико смущаясь от всей этой ситуации.

Брак фиктивный, так какого черта мое сердце так нервно бьется в груди?

«Наверное, это из-за всех безумных событий этого дня» – произнесла я мысленно, и приказала себе успокоиться.

Завтра мы поженемся, я помогу мажору вернуть Марьяну, научу его, как вести себя с ребенком. Затем получу деньги, и мы тихо и мирно разбежимся, а после и разведемся.

– Не кинь меня, – напомнил мажор, высаживая меня у дома.

– Не кину, – я вышла из машины, и добавила: – Я буду в белом. Будь добр, оденься прилично. Это – моя первая свадьба.

Я поднялась на наш этаж, и увидела у двери соседку с первого.

– Здравствуйте, тетя Наташа.

– О, привет, Танечка. Я к Виктору. Тань, – замялась соседка, – я, конечно, все понимаю.

Но когда вы долг вернете?

Долг? О Боже! Неужели папа и у соседей занимал деньги?

– Давай я войду, и поговорю с Витей. Мне сыну вещи к зиме покупать скоро, сама понимаешь, пятьдесят тысяч нам самим нужны.

– Папа... приболел. Тетя Наташ, завтра деньги будут, – пообещала я. – Вы ведь меня знаете. Долг вернем.

– Ох, Танечка, – покачала она головой. – Наверное, не нужно мне было Вите занимать. Отдавать ведь ты будешь? Не он?

Я криво улыбнулась, но поспорить не смогла. Да, занимать папе деньги не стоило. Он работает, конечно, но до меня копейки доходят. А остальное папа спускает на ставки, мечтая разбогатеть.

– Пап, я дома, – крикнула, войдя в квартиру. – У меня для тебя новость!

В кухне шумел телевизор, значит, папа там. Сейчас я скажу ему, что наши проблемы решены, и квартиру продавать не нужно. Мы бы и без мажора справились, конечно. Можно было просто купить квартиру за городом, но ведь это так себе решение. А завтра я попрошу у мажора «аванс».

Неприятное чувство накрыло меня при мысли о деньгах. Ведь он ради ребенка старается, а я тут с оплатой за услуги... ох, не стоит думать об этом. Для мажора два миллиона – не такая огромная сумма, а так, карманные расходы.

– Ты задержалась. Сегодня же нет репетиторства, – папа оторвался от телевизора, когда я вошла и чмокнула его в щеку. – Где была? Неужели, решила отдохнуть от своих книжек? Давно пора, дочка.

– Я... да, отдохнула. Пап, у меня новость, – начала я, и замялась.

Вот как сказать папе про свадьбу? Только сейчас в голову ведь пришло, что он может и не позволить мне. У него множество недостатков, и большинство знакомых меня жалеют. Что без

матери росла, что папа проблемный, и с деньгами полный швах из-за его игромании. Но его достоинства перекрывают все недостатки – он меня не бросил, не скинул маме или бабушке, и никогда ничего для меня не жалел. Любит, как умеет, и заботится.

– Что такое? Мальчика себе нашла? – с интересом спросил папа, набирая в чайник воду.

– Я замуж выхожу, – выпалила я. – Завтра!

– Как завтра? За кого? – нахмурился он. – Ты же ни с кем не встречалась. Таня! Ну что ты молчишь-то?

– Со мной в школе учился один парень. Леша Горин, – пробормотала я. – Он к нам в универ поступил. Вот, за него. Пап, не переживай, эта свадьба, она нужна для...

– Помню я этого Горина! – рявкнул папа. – Я ведь ходил в школу разбираться из-за него, с директрисой вашей беседовал, и с классной. Даже хотел перевести тебя в другую школу.

– Но я отказалась.

– Да, сказала, что сама все решишь. Ты же из-за него вечно в слезах была, – обвиняюще воскликнул папа. – И замуж? За него? Постой-ка, – пробормотал он, – Горин – это же сын Германа Горина! Ты ради денег решила за него выскочить? Ты... ты беременна, да?

– Нет, конечно! – возмутилась я.

– Значит, деньги. Чтобы мои долги отдавать? – папа нервно заходил по комнате. – Я своего разрешения не даю. Танечка, я все улажу, честно. Ты не должна за меня расплачиваться. Встретишь мальчика, полюбишь его, а он тебя. Повстречаетесь, а потом поженитесь. А не так, ради денег. Я всегда подозревал, что этот Горин к тебе неровно дышит.

Угу, нервно дышит. Скорее, косо смотрит. Как вспомню, каким он был козлом, удавить женишка охота.

Вот только папе придется соврать. Ничего он не уладит сам, и денег не найдет, уж я-то знаю! И на фиктивный брак он никогда не согласится. Паспорт мой, чего доброго, порвет.

– Пап, я... я его люблю, – выдавила я из себя, чувствуя, как безумно стучит сердце, будто эти слова – правда. – Я ничего тебе не говорила, потому что знала, что так будет. Что ты против будешь. Леша исправился, честно! Ты ведь знаешь меня. Я никогда не совершала глупостей, и всегда обдумывала решения. Лучше просто благослови меня. Завтра утром я выйду замуж.

Папа испытывающим взглядом впился в мое лицо, а затем покачал головой. Огорошила я его.

– Утром, значит? Завтра? И молчала, чтобы я этому Горину рога не обломал? – прорычал папа. – Твоя правда, Танечка. Глупостями ты не страдала, но вполне могла начать по молодости лет. Значит, так! Я тебе, конечно, доверяю, но перед вашей росписью я с твоим женихом побеседую. И только тогда вы поженитесь, Таня. Если я увижу, что он – такой же балабол и придурок, как раньше, то извини. На пороге ЗАГСа лягу, но не пущу.

Я убито кивнула, ведь Горин – все такой же балабол и придурок.

Весь вечер папа ходил за мной по пятам, пытаясь вызвать на разговор. И утром, когда я надевала мамино платье, которое папа зачем-то сохранил, тоже. Все ждал, что я передумаю. И даже когда мы сели в такси, я не решилась отдать папе папку с документами, держала их сама.

– Еще не поздно передумать, Таня.

– Я не передумаю, – нервно улыбнулась папе, и написала Горину смс.

«Готовься к встрече с тестем. Постарайся понравиться моему папе, иначе свадьбы не будет. Прости»

Глава 4

ЛЁША

Волнуюсь, как придурок, непонятно с чего. И сам не верю, что ввязался во все это. Наверное, из принципа и из-за Стаса. Старший товарищ, который, как уверял отец, на меня плохо влияет. Знал бы батя, что пока я по ночной Москве гонял, Стас занимался детскими болячками. У мелкой то зубы резались, то температура, то еще какая-то фигня...

Телефон просигналил о сообщении, и я хмыкнул, прочитав его. Ну Пчелка моя, будто я поверю, что ты отца притащишь. Помню я, как он мне уши пытался открутить!

Но через десять минут я, стоя у ЗАГСа, вдруг ясно понимаю, какой я кретин. Пчелкина и правда приехала в белом платье. И не в обычном каком-то сарафане, а в пышном, как торт, свадебном платье. Выражение лица злобненькое, на меня посмотрела так, что я в осадок выпал.

– Вот черт, – буркнул себе под нос, жалея, что приперся в джинсах.

Но рубашку-то надел! Белую, между прочим! И джинсы почти не драные, да и кроссы приличные, не с Алиэкспресса.

– Так вот ты какой... женишок, – хмыкнул Виктор Сергеевич. – Ну-ка, поговорим. По-родственному.

– Папа...

– Не папкой. Иди постой где-нибудь, носик припудри, – бросил Пчелкин-старший Пчелкиной-младшей. А затем обратил свое внимание на меня: – Я уж думал, что ты мою девочку развел.

– В смысле?

– В смысле, что она приедет в ЗАГС, а ты – нет.

Это почему он так думал? У нас же уговор с Таней!

– Но раз явился, это уже хорошо. Маленький плюс к карме. А вот то, что так одет, и без цветов – это плохо, – начал выговаривать Виктор. – Нужно было по-людски все делать. Чтобы нормальное знакомство с родителями, ресторан, праздник с фотографом. А вы учудили.

– Вы о чем сейчас...

– Любишь мою дочь? – Виктор схватил меня за плечо, и я с трудом удержался, чтобы не двинуть ему в челюсть – условный рефлекс, чтоб его. – Если любишь, то женись. А если блажь, то я Таню заберу, и дома запру.

Хм, супер, блин. Пчелкина зачем-то наплела своему папашке про нашу великую любовь, и стоит сейчас, корчит виноватые рожицы. Все же, милая она. И платье это еще... у няни шкатулка была музыкальная, и Пчелка сейчас на ту балерину похожа, которая под «К Элизе» танцевала в этой шкатулке. Красивая такая... так, о чем я вообще думаю?!

– Люблю! – выпалил я, отчего-то стесняясь этого слова. – Люблю вашу Таню.

А теперь отстань от меня по-братски, мужик. Я итак на нервяках, как самый настоящий жених. Будто реальная свадьба, а не фикция. Блин, надо было реально цветы купить, и костюм надеть.

– Допустим, любишь, – хмыкнул Виктор. – Обижать не будешь?

– Нет, конечно. Когда это я ее обижал? – возмутился я, и сдулся под насмешливым взглядом папы Пчелки. – Да ладно вам, я ребенком был.

– Не таким уж ты был ребенком. Ну да ладно. Обидишь ее – прибью, – прорычал он. – Тане итак досталось. Она думает, что я не понимаю. А я все понимаю, просто справиться с собой не могу... да не будем об этом. В общем, за дочь я тебя порву. Изменишь ей, предашь – мало тебе не покажется, ясно?

– Ясно, – ошалело пробормотал я, переваривая эту вспышку. – Это все вопросы? Нам с Таней нужно еще заявление заполнить, уже пора идти.

– Последний вопрос. Ты хоть что-то умеешь делать хорошо? – изогнул бровь Виктор Сергеевич. – Не девчонок задирать, не болтать попусту, а именно делать? Руками?

Блин, Средневековые подъехало. Окей, Бумер. Я вкусно режу колбасу. Руками! Чуть не заржал с этого вопроса, чесслово.

– Мне нужно знать, что ты хоть что-то из себя представляешь, мальчик. А не просто с папкой и мамкой жил, и завтракал икрой да трюфелями.

– Я... ну я в походы ходить люблю, на сплавы, на рыбалки. Выживать умею в экстремальных условиях, – начал перечислять я, раз уж это так важно Пчелкиному батю. – В армии отслужил, хотя могли отмазать. Резьбой по дереву увлекался раньше, шкатулки делал разные. Не такой уж я белоручка, если вы об этом.

– Об этом, – кивнул Виктор. – Ладно, парень. Женитесь, если так приперло. Но вот, что я скажу: чтобы сегодня же подарил Тане самый шикарный букет роз. Она обычные любит, красные, пахучие. И на завтра назначай встречу с родителями. Нам всем нужно познакомиться. А если я замечу на лице дочки грусть – урою! – ласково пропел мужик, и похлопал меня по плечу. – Ну, чего стоим? Таня там заждалась.

Дурдом какой-то! Я развернулся, и почти подбежал к Пчелке. Теперь я понимаю, почему многие так не хотят жениться – попробуй, выдержи этот цирк с конями!

ТАНЯ

Мы с мажором стоим в зале регистраций, и я только сейчас понимаю, что вляпалась по уши.

Разве Горин не справился бы без меня? И разве мы с папой не справились бы без него?! Но поздно страдать, ведь заявления написаны, наскоро завизированы, и даже наши «да» работница ЗАГСа получила. Уверенное «да» от Горина, и мое. Тихое, смущенное.

Все ведь решили, что я по залету. Даже папа, я уверена в этом. А у меня в жизни ничего, кроме пары поцелуев и не было, да и те лучше не вспоминать. Фильм «Пила» и то был романтичнее.

– Объявляю вас мужем и женой! – торжественно пропела женщина в платье из штор. – Жених, можете поцеловать невесту.

– Кхе-кхе, – кашлянул папа, стоящий позади меня, и мажор вздрогнул.

Бросил на меня обвиняющий взгляд. Вот собака! Еще и целуй его после всего. Приперся, одетый как в универ некоторые стесняются ходить. Несчастный букетик цветов зажалил, еще и зыркает. Будто я не папу привела, а директрису нашей школы, обещавшую спалить здание, если еще хоть раз нога Горина ступит в него.

– Целуй давай, – прошипела я, и подставила ему щеку. – Ну!

– Ну раз ты настаиваешь, – хмыкнул мажор, обхватил мое лицо ладонями, и...

Поцеловал! И не в щеку, которую я ему подставляла, а в губы. Нет, ну какой же он нахал, и... как же он целуется, о Боже мой! Чуть шершавые пальцы оглаживают мои щеки, а губы, показавшиеся жесткими, целуют на удивление нежно. Так нежно, что ноги подгибаются, и, кажется, каждый в зале слышит, как бьется мое сердце.

На миг кажется, что это – самый романтичный момент в моей жизни. Я в белом платье, надетом лишь в пику Горину, и он. Леша. Подумаешь, в джинсах и кроссовках. Подумаешь, придурок, каких еще поискать. Подумаешь...

Но вся дурь выветривается из моей головы, когда Горин отрывается от моих губ. Его глаза странно блестят. Смотрит на меня внимательно, серьезно даже, а затем подмигивает, надевая привычную маску подонка:

– Жду, не дождусь первой брачной ночи, женушка! Теперь, Пчелка, ты вся в моей власти, – играет бровями, и я «ласково» наступаю ему на ногу.

– Не Пчелкина, а Горина, – поправила я, краем уха слушая поздравления регистратора.

Я и правда не особо планировала менять фамилию. Зачем? Чтобы через год снова бегать с документами, как ужаленная? Но мажор встал в позу. Меняй фамилию, и точка. И никто из нас толком и не понял, зачем оно нужно. В опеке бы поняли, оставь я девичью, сейчас часто так делают, но кое кто уперся рогом. А я при папе не хотела затевать скандал.

И теперь я Горина.

– Все, сейчас переоденусь, и в опеку, – смущенно произнесла я, и мажор кивнул.

– Так, молодежь, давайте-ка я вас пощелкаю. Хоть на телефон, но надо, – громогласно заявил папа, когда в зал регистраций уже вошла следующая пара. – Ну-ка, становитесь у двери. Тань, поближе к жениху...

– К мужу, – довольно поправил мажор, и нагло облапил меня за талию, да еще и притиснул к себе вплотную. – Слушай, а прикольно. Теперь я – муж, как тебе такое, Илон Маск?

– Ну ты и придурок, – прошептала я, и нацепила на губы улыбку для фотографии.

Эх, Лёша. Когда ты уже повзрослеешь?!

– Так, теперь поцелуй, – скомандовал папа, когда мы вышли на крыльцо.

– Ну пап...

– Не папкой! Давай, целуй, а то знаю я вас. Дурацкие фотографии с губами уточкой вы делать горазды, а нормальные фото, чтобы на память – нет! Целуй уже своего мужа!

Я надулась, и потянулась к щеке Горина. Но он, подлец, снова повторил свой фокус, и впился поцелуем в мои губы.

– Аппетитная какая, – мурлыкнул Горин, и я прикусила его за нижнюю губу. – Ай, кусаешься, пчелка?!

– Лёша? – услышала я удивленный знакомый голос. – И... Таня? А вы что здесь делаете?

Мы оторвались друг от друга, и уставились вниз. В ЗАГСе всегда движ, любят в нашей стране и жениться, и разводиться. Вот и сейчас девушки в одинаковых платьях толпятся внизу у лестницы, и среди них наши с Гориним одноклассницы – заядлые сплетницы Анжела и Яна.

– Привет, девчонки, – Горин поднял меня на руки, и сбежал по ступеням. – Мы с Пчелкой, наконец, поженились, можете нас поздравить. Сорри, что не пригласили, Таня хотела, чтобы как в кино – тайно, и романтично.

– Поженились, – растерянно пробормотала Яна. – Вы?

– Мы, – довольно ответил Горин, и закружил меня на руках. – Кстати, тусовку я устрою. Праздник не зажму, отвечаю.

Я чуть не застонала. Что он творит? Праздник с одноклассниками? Да они решат, что Горин в заложники мою семью взял, ведь как иначе я бы согласилась за него выйти?!

– Супер! – глаза Анжелы заблестели, и она быстро щелкнула нас с Гориним, и пальцы ее запорхали по экрану смартфона. Явно в инсту выкладывает фотку. – Ловлю на слове, семейство Гориных. Ха, в жизни бы не подумала. Вы отлично зашифровались!

– Валим отсюда, – я ущипнула Горина в плечо, с ужасом представляя, что меня ожидает в универе, где каждая собака знает о нашей с Гориним «любви». – Праздник? Ты в своем уме?

– Ты сама это начала, любимая, – едко ответил он. – Твой отец настаивает на празднике, на знакомстве семьями. Жаль, выкуп невесты организовать не получилось, но я тебе все компенсирую. Сейчас займемся Марьяной, а затем мы, Пчёлка, организуем нормальную свадьбу. С одноклассниками, преподами, родственниками, цыганами и медведями.

Я простонала, и спрыгнула с рук Горина.

Ему-то ничего, но когда мы разведемся, все будут уверены, что он меня кинул. И клеймо неудачницы прилепится ко мне так прочно, что не отодрать до следующей свадьбы.

Переделалась я быстро. И даже медкомиссию мы оба прошли буквально минут за сорок. Оказывается, когда есть деньги, не нужно ждать дни и недели, пока выдадут результаты. Все сразу, и на месте.

В регистратуре мажор нахмурился, глядя на цену в чеке.

– Ну и цены, с ума сойти, – фыркнул он, но дальше развивать тему не стал.

Боже, когда Горин успел превратиться в жмота?! Не он ли подбивал своих одноклассников сбегать с уроков, и оплачивал всем билеты в кино и обед в кафе? Не он ли устраивал тусовки, на которых гудели самые популярные ребята универа? А это все гораздо дороже банального медосмотра.

«Так, Пчелкина, соберись, – сказала я сама себе, когда мы ехали в дом-интернат к Марьяне. – Просто попроси у Леша пятьдесят тысяч. Для него это не деньги, он и не заметит. Давай, скажи ему!»

– Горин...

– Слушаю тебя, Горина, – весело откликнулся Леша, перебивая меня, и я потрясла головой – точно, я же замуж вышла!

– Я хотела кое о чем попросить, – осторожно начала я, и в двадцатый, кажется, раз, телефон мажора затрещал гнусной песней про улетную чику, которая дает каждую ночь. – Кхм, может, ответишь?

– Да нафига? – зло ухмыльнулся парень.

– По тебе явно кто-то скучает.

– А ты ревнуешь? – подначил меня парень, и я возмущенно вздохнула. – Расслабься, это одноклассники звонят, явно поздравить спешат. Не кипишуй, Пчелка, я тебе пока не изменял.

Было бы странно, если бы Горин умудрился мне изменить за эти два часа, которые прошли после регистрации. Но, кажется, все еще впереди. Ведь врать он мне уже начал. Одноклассники звонят, угу. Нет, они тоже звонили, но на них другой звонок, а тупая песня про чику... ну явно же мисс сволочная Диана названивает.

«Да пошел он! – возмутилась я. – Сейчас скажу ему, что раз брак фиктивный, то пусть ни в чем себе не отказывает. А то и правда решит, что я ревную. Я! Его! Ха!»

– Так что, женушка, ревнуешь?

– Просто надоело слушать эту гадкую песню. Она оскорбляет мой вкус, – надменно ответила я, и на секунду самой смешно стало от того, как я нос задрала. – Так, Горин, давай сразу все проясним: хочешь гулять со всякими... хмм, чиками – пожалуйста. Только меня не позорь, раз уж в универе уже все в курсе о нашей свадьбе. Если о твоих загулах узнают, если подставишь меня, то...

– То что?

– То я устрою тебе ночь в Каире, – ехидно произнесла я, цитируя Иду Галич. – Пожалеешь!

– То есть, у меня есть право на лево?

– Есть. У меня оно, кстати, тоже есть. Брак-то фиктивный, – напомнила я и Горину, и самой себе.

– Фиг тебе, Пчелка, – оскалился мажор. – Все, закрыли тему!

– Но...

– Молчи, женщина, – нагло оборвал Горин, и вдобавок, щелкнул меня по носу. – Вроде ты такой ботан, но иногда откровенную пургу несешь. Так что цыц.

Нет, ну каков, а?! Меня даже папа никогда не перебивал, и всегда выслушивал. Даже в детстве. Он делал так, как я говорила. Все, за исключением ставок. Их я умоляла не делать, а он не слушал. И к чему это привело...

– Лёш, мне деньги нужны, – сказала я, собрав все силы в кулак.

– Я помню, до конца осени получишь бабки.

– Мне сегодня нужны. Аванс в пятьдесят тысяч. Срочно, Лёш, – поморщилась я. – Дашь?

– Пятьдесят? – нахмурился парень, растеряв свое веселье. – Ну... дам, конечно. Куда я денусь.

Я расслабилась, наконец. Ненавижу быть должницей. Вот только мажор как-то странно отреагировал. Так бы я на его месте расстроилась, потому что для меня это – сумма, а для него – расходы на день. Может, считает, что не заслужила пока, потому и напрягся?

– Слушай, больше не повторится, – затараторила я. – Я кое кому задолжала, и деньги нужно вернуть сегодня. А остальную сумму уже в ноябре. Больше не попрошу, ты не думай...

– Эй, расслабься, – Горин рассмеялся, и остановил машину у дома-интерната. – Какая ты нервная, ужас просто. Нужны деньги? Будут, не вопрос. Я не из бедных, ты ведь помнишь.

Я взяла папку с нашими паспортами, мед. справками и свидетельством о браке, и мы с Гориним вошли в унылое серое здание, в котором содержат изъятых детей. И мне, разумеется, пришлось подсказывать Леше, что нужно позвонить инспектору, чтобы нас пропустили. И самой заполнять журнал посещений. Сам он, как я успела понять, в таких ситуациях теряется – там, где по правилам нужно играть, а не банально доставать кредитку.

– Девочка в игровой, – сказали нам. – У нее сейчас посетительница, присоединяйтесь.

– Какая посетительница? – встревожился Леша, и мы пошли прямо по коридору.

Парень шел быстро, размахивая розовым рюкзаком, в который мы сложили мелочи для Марьяны. И выглядел Горин при этом уморительно: высоченный парень, маленький розовый рюкзак со значками из мультиков, и страшноватый плюшевый заяц явно сложной судьбы, до того он потрепанный.

– Может, мать? – шепнула я, и мажор скривился.

– Эта с-с-с... гадина вряд ли знает, как ее дочь зовут. А больше у Марьяны никого нет.

Я пожалала плечами, и мы, свернули влево – туда, откуда слышался детский смех и шум от показываемого мультфильма. Кажется, «Холодное сердце» малышня смотрит.

Едва мы вошли, мы сразу увидели недовольную, надутую Марьяну, которая сидела за круглым столиком. Рядом с ней возвышалась чуть ли не гора игрушек, и сладостей. А рядом, на соседнем низком стульчике сидела...

– Диана! – прорычал Леша, и девушка обернулась. – Ты что здесь забыла?!

Глава 5

– Дядя Леша, – Марьяна спрыгнула со стула, и понеслась к нам, раскинув руки.

Горин подхватил ее у своих ног, и поднял на руки, переключив свое внимание на малышку.

– Я соскучилась! А где папа? Ой, а что ты мне принес? Тут эта Дуня пришла, а она мне не нравится, а Таня нравится, – затараторила Марьяна, перескакивая с одной темы на другую.

Невозможно не улыбнуться, глядя на непосредственную малышку. Я знала пятилетних малышей, сама няней подрабатывала, да и у моих учеников есть младшие. И часто они картавят, плохо выговаривают длинные слова. А с Марьяной видно, что занимались. Рычит она и правда, как настоящая тигра.

– Я не Дуня, Марьяночка. Я Диана, – пропела рыжая, плавно подходя к нам. – Мы ведь подружились, милочка, зачем ты говоришь, что я тебе не нравлюсь?

Очень плавно. Так плавно, что на ее покачивающиеся бедра и вываливающуюся из декольте грудь, желательно прилепить значок цензуры. Вот ведь вырядилась!

– Не нравишься, – прогудела Марьяна в шею Леше. – А где папа?

– Диана уходит, – надавил Горин, в упор глядя на рыжую. – И больше не придет, ясно тебе?

– Ну Алекс, – мурлыкнула девушка, подошла к нам ближе, и ласково взъерошила пушистые волосы на голове малышки, – не будь таким букой. У меня был плохой день, я накосячила, сейчас пытаюсь все исправить. Признай, что ты тоже был не на высоте? Ну же, подумай, любимый. Вот представь, что ты бы пришел ко мне домой, а у меня ребенок, и я бы огорошила тебя: «Вот, Лешенька, воспитывай, вперед и с песней. Сиди с ребенком, пока меня носит не пойми где»

– Я не развлекался, и ты это знаешь.

– Да ничего я осознать не успела, – округлила она глаза. – Ты вывалил мне на голову ворох проблем, и да, я растерялась. Затем приревновала, и тут ты не можешь меня осуждать. Любая бы вспыхнула на моем месте. Но я ведь поняла, что натворила, и пытаюсь все исправить.

Скосила глаза на Горина, и... ей Богу, треснула бы его, если бы не Марьяна у него на руках. Стоит, и чуть ли не кивает этой стервозине. Повелся что ли?!

– А как ты сюда попала? Нас впустили после того, как инспектор сообщил, что мы – претенденты на опеку, – вступила я в разговор, который мне ой как не понравился.

– А тебе-то какое дело? – Диана посмотрела на меня с неудовольствием.

– А мне до всего есть дело. Видишь ли... – начала я, желая сообщить о нашей свадьбе, но замолчала.

Еще один скандал при Марьяне? Да еще и в доме-интернате, чтобы малышку нам не вернули, будто мы – маргиналы из репортажей НТВ?! Но Горин решил все сам.

– Мы поженились. И тебе и правда пора. Ты достаточно сделала для того, чтобы уже ничего нельзя было исправить, – жестко произнес мажор, и Марьяна чмокнула его в щеку.

А я рассмеялась от этого зрелища, позабыв про Диану.

– Ты колючий, как папа, – надулась девочка, видимо уколовшись о щетину.

А Лёша растерялся. Мимолетно улыбнулся, поплыв от ласки девочки, которая вряд ли уяснила суть беседы, но тон она уловила. Да и я сама, хоть еще минуту назад хотела огреть его чем-то тяжелым, сейчас бы тоже не отказалась поцеловать Горина... но не в губы, конечно.

В щеку самое то!

– Ну нет, ребята, – Диана неожиданно улыбнулась уже мне, – я уйду только после того, как вас поздравлю.

– Что, прости?

– Я серьезно. Ты ведь Таня? Я вовсе не такая стерва, какой могла показаться, – весело произнесла она. – Поверьте, совесть меня мучила. Я приплатила кому надо, и пришла извиняться перед девочкой. И вас... вас я поздравляю со свадьбой. Алекс, если ты разлюбил меня, это ведь не повод врагами расставаться? Позвольте мне вам помочь, загладить вину? У моего отца связи, – напомнила девушка. – И я попрошу его их задействовать, чтобы помочь вам с Мариной.

– Ее зовут Марьяна, – поправила я, вглядываясь в лицо Дианы.

Улыбается, говорит так мило, а в глазах нездоровый блеск. Вроде, зеленые, но сталью отдают. Или мне это мерещится?! Может, она и правда поняла, как гадко себя повела, напакостив маленькому ребенку, и хочет исправить ситуацию?

– Я помогу, честно. Помогу ускорить процесс, – Диана говорила, обращаясь то ко мне, то к Леше. – И если у вас любовь, то я отойду в сторону. Хотя... это ведь фиктивный брак, так? И, Алекс, – девушка опустила глаза, – если вы расписались по дружбе, и у вас нет ревности друг к другу, я готова все вернуть. Можем встречаться тайно, больше никаких истерик. А с Таней мы подружимся, ведь так?

Что, блин, происходит?

Давненько я не теряла дар речи, но сейчас я просто не знаю, что ответить. Диана играет? Или правду говорит? И что значит «все вернуть, встречаться тайно»? В голове зашумело, едва я представила, что Горин сейчас возьмет, и согласится.

– Если можешь помочь – буду благодарен, а сейчас тебе и правда пора.

– Да! Уходи! – буркнула Марьяна, не оборачиваясь к Диане.

Та пожала плечами, провела ладонью по плечу Лешы, и пошла к выходу.

А мне снова захотелось ударить мажора. Он не согласился вернуть отношения с Дианой. Но он и не отказался!

– Марьяна, а мы с Таней поженились, – весело произнес он вместо того, чтобы догнать Диану, и сказать, что не станет крутить с ней любовь-морковь. Подкинул весело взвизгнувшую малышку на руках, и направился к низкому столику. – Я постараюсь отпросить тебя на свадьбу, мы устроим крутую тусу!

– Большой праздник, – поправила я косноязычного парня.

– А еще нам нужно заехать к моим родителям, – вдруг сдулся Горин. – Сегодня. Но об этом потом. Рассказывай, мелкая, как ты тут?

Марьяна забралась ко мне на колени, устав висеть на Леше, и принялась болтать. А я зачем-то раз за разом прокручивала в голове образ Дианы, предлагающей Леше тайные отношения. А мне – дружбу.

– Пчелка, ты чего такая надутая? Не жужжишь даже. Непривычно.

Горин балаболит все время, пока мы были у Марьяны, и когда съездили, наконец, в опеку. Я ожидала какого-то серьезного разговора с инспектором, но у нас просто приняли документы, и попросили приехать в понедельник.

И сейчас, когда мы ехали к родителям мажора, этот самый мажор не затыкался, а занимался тем, что у него получается лучше всего – выводил меня из себя.

– Ну же, Пчелка, я не могу ехать в тишине. Ты ведь знаешь, что с водителем нужно разговаривать? – подначивал он меня. – Столько аварий случается из-за того, что водители засыпают за рулем. А ты такая молчаливая, что мне скучно. И вообще, кхм...

– Что «вообще»?

– Разве ты, как приличная жена, не должна выносить мне мозг, и трещать без умолку? – заржал он, а я покачала головой.

Нет, ну какой же придурок!

– Тебе песенку спеть? – съязвила я.

– Давай! О, Пчелкина, я помню твою любовь к блатному романсу, который почему-то называют шансоном. Спой мне Круга!

Я покраснела, вспомнив, как мажор классе в шестом отобрал у меня телефон, и, к моему несчастью, открыл мой плейлист. А там... Круг, Шуфутинский и Кучин. О, как же он смеялся! Сколько припоминал!

– Спой мою любимую, а? – ухохатывался парень. – Как же там? «А стала полнокровная, как за углом пельменная, я думал ты любовь моя, а ты...»

– Горин, я сейчас тебя убью! – прорычала я. – Поверь, это тоже плохо сказывается на жизни и здоровье водителя!

– Сама виновата. Молчишь, надутая такая, – фыркнул он.

А я и правда надутая. И ничего не могу с собой поделать. То вспоминаю предложение Дианы, от которого Горин, как абсолютнейший козел, не отказался. То снова проматываю последние вопросы Марьяны, от которых ком в горле:

– Дядь Леша, а папа... он за мной не придет, да? Где он? Я соскучилась, – прошептала малышка на прощание, обнимая тоненькими ручками мажора за шею. – Ты хоть меня забери. Здесь хорошо, но я домой хочу. Заберешь?

Леша тогда лишь кивнул, а я отвернулась, чтобы не расплакаться. Ох, сколько раз я жалела себя в детстве. Мама ушла, виделись раз в месяц, папа... ненадежный, и Горин проходу не давал. Считала себя самым несчастным ребенком на свете, и вот взглянула на Марьяну, у которой в жизни никого, кроме Горина не осталось. И переосмыслила все.

– Подъезжаем, – поморщился парень, перестав надо мной издеваться.

– А твои мама с папой не удивятся, что ты женился не на Диане? – не смогла я смолчать. И чего она меня так задела? Дружбу предложила, и это ее предложение выбесило меня едва ли не больше, чем предложение постоять в сторонке, пока они с Гориним будут любовь крутить.

– Что? На Диане? – хохотнул парень. – Пчелка, я тебя умоляю! Думаешь, я их знакомил с Ди?

– Ну, вообще-то, она – твоя девушка.

Мажор бросил на меня насмешливый взгляд, и покачал головой.

– С такого рода девушками родителей не знакомят. Так, – Горин остановил машину перед коваными воротами, – отца зовут Герман, маму – Элина. Не обращай на них внимание, ладно? Они бывают невыносимыми. Если начнут чудить, просто свалим по-быстрому. И не обижайся, если что, на их слова. Просто развернемся, и уйдем.

Я растерянно кивнула, и мы вышли из машины.

«С такого рода девушками» – крутилось у меня в голове, пока мы шли через осенний мини-сад к дому. «Значит, у них несерьезно?»

– Наконец-то ты улыбаешься, – заметил парень, и я тут же стерла улыбку с лица.

– Репетирую. Леша, – все же, решила я, – а с Дианой...

– Лешенька! – услышала я взвизг, и из открывшейся двери на крыльцо вышла худенькая блондинка в джинсах-скинни. – Дорогой, спускайся вниз, к нам сын приехал, – заголосила она, как сирена. – И не один. С ним очаровательная девушка. Ну же, котятки, быстрее, идите сюда! Ой, я пойду чайник поставлю.

– Котятки, – недовольно пробурчал Горин, и я еле сдержала смех. – Вот о чем я говорил. Просто не обращай внимание ни на отца, ни на мать.

– Поздно, – хихикнула я. – Котенок.

Женщина забежала в дом, махнув нам, чтобы мы поторопились, и мы вошли следом. Я ожидала чего-то вычурного, чтобы дорого-богато, все в золоте, и на стене герб, но нет. Даже в

холле оказалось очень уютно из-за закатного солнца, проникающего в помещение через окна, и фигурной кошки, приподнявшей лапу, на которой болталась лопатка для обуви.

А кошки здесь повсюду. Вырезаны на перилах лестницы, стоят статуями, висят, нарисованные на картинах. Надеюсь, Элина не похожа на Долорес Амбридж. Та, помнится, тоже славила своей любовью к семейству кошачьих, а как человек оказалась полным гэ.

– Жутко, да? У мамы аллергия на шерсть, но она с детства мечтала о кошке. И вот что из этого вышло, – закатил глаза Горин.

– Ничего, котенок. Мне даже нравится, – поддразнила я мажора, и показала ему язык в ответ на угрожающую мину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.